

ЦЕННОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ*

Л. Е. Ильичева

Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Российская Федерация, 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6

А. О. Кондрашов

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Российская Федерация, 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6

А. В. Лапин

Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82

В период крайней дестабилизации взаимоотношений России с коллективным Западом усиливаются риски социальной неустойчивости общества, нарастают страхи россиян перед будущим, существует опасность расширения потенциала социальных протестов в регионах России из-за вероятных последствий экономического упадка. Для оперативного планирования действий по выходу из сложной политической и социально-экономической ситуации нужно обладать объективными знаниями о реальном социальном состоянии российского общества. В статье приведены результаты исследования механизма трансформации социальной напряженности индивидумов в состояние социальной поляризации в составе групп в обществе, а также представлена методика оценки уровня социальной напряженности в обществе через измерение ценностных установок граждан по методу израильского ученого Ш. Шварца. Также была выявлена взаимосвязь интегрального коэффициента недовольства жизнью, коэффициента Джини и среднедушевых доходов населения.

* Проект № 122101100023-1 «Ценностные и социальные факторы долгосрочного развития регионов России: механизмы обеспечения гражданского единства» реализован в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ).

В статье представлены некоторые результаты исследования, материалы которого в полном объеме опубликованы в монографии: *Ильичева Л. Е., Лапин А. В.* Ценностные и социальные детерминанты устойчивого развития российских регионов в эпоху глобальной цивилизационной деформации. М.: Проспект, 2022. 348 с.

Данная методика прошла апробацию в рамках исследования семи российских регионов, по результатам которого было выявлено, что население этих регионов исповедует приблизительно однородные ценности, причем ценностные фланги изученных социальных групп настолько близки друг к другу, что вероятность роста социальной напряженности населения находится на низком уровне. Однако условно гомогенный характер ценностных ориентаций населения сопровождается тем, что в этих регионах отмечена крайне низкая доля или даже отсутствие социальных групп, нацеленных на созидательный труд, представители которых готовы рисковать, проявлять творчество и инновационный подход ради достижения собственного благополучия. Результаты пилотного исследования в целом подтвердили практическую применимость предложенной методики для описания распределения социальных групп общества по степени их поляризации, а также для формирования характерного портрета населения того или иного региона.

Ключевые слова: социальная поляризация общества, межличностное отчуждение, социальная напряженность, социокультурные ценности, удовлетворенность жизнью.

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

После объявления Президентом Российской Федерации В. В. Путиным о начале специальной военной операции на Украине развернулась санкционная война с коллективным Западом, которая опрокинула наши предшествующие представления о рациональных критериях политической и экономической целесообразности. Этот конфликт подвел черту под старым миропорядком, основанным на глобальном управлении, и запустил тестирование модели мироустройства, в основе которой лежат односторонние действия ведущих мировых сверхдержав. Произошла серьезная трансформация глобальных ценностных ориентаций и норм поведения гражданского общества, изменились и политические приоритеты: интересы мировых элит начали транзит от глобальных предпочтений к цивилизационному обособлению.

Коллективный Запад ключевым образом воздействовал на существующие политические системы, которые ранее пребывали в хроническом состоянии незавершенной переходности, составляющей «ускользающую натуру» текущего времени [Гаман-Голутвина, 2020]. Под давлением США сегодня принимаются одиозные санкционные решения, которые полностью разрушают наши прежние представления о границах вероятных политических и экономических рисков. Проявление этих рисков на российской территории, по задумке зарубежных авторов, должно сыграть роль триггера для запуска сокрушающей волны народного негодования.

Состояние незавершенности перехода любой политической системы между различными порядками своей социальности, как правило, характеризуется такими структурными, идентификационными и функциональными изменениями, которые порождают неустойчивость и рост конфликтности [Сморгунов, 2012].

Риски таких конфликтов существуют и в России, так как заявленный руководством страны переход к политике умеренного консерватизма, означающий глубокую перестройку системы государственного управления, в условиях продолжающейся специальной военной операции способен катализировать рост социальной напряженности в обществе.

В этой связи весьма важным представляется исследование текущей социальной устойчивости российского общества и выявление доли населения, находящейся достаточно близко к статусу, при переходе через который недовольство действиями власти в сочетании со страхом столкновения с социальной несправедливостью и экономическим упадком может запустить отсчет шагов по траектории взрывного нарастания народного возмущения.

Понятно, что не все «недовольные» совершат переход к новому статусу своей протестной социальности. Однако в условиях нелинейной динамики социальных связей в обществе трагическим триггером бунтарской вспышки могут стать отдельные ошибочные действия, неуважение, недопонимание, невнимательность или другие непрофессиональные, случайные провалы власти, способные резко расширить базу протестов за счет рекрутирования тех акторов, которые пока еще пребывают в транзитной неопределенности лиминального пространства повышенного социального напряжения.

В этой новой и очень сложной обстановке важно не только обозначить те факторы, которые влияют на состояние социальной напряженности в российском обществе, но и предложить механизмы и технологии, которые способны обеспечить поддержание в российском обществе устойчивого деполаризованного состояния.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Понятие «социальная напряженность» в научной литературе имеет достаточно широкое толкование. Так, например, Э. Дюркгейм связывал повышение уровня социальной напряженности с процессом нарастания социальной аномии, ведущей к дестабилизации социальной структуры общества [Дюркгейм, 1994]. По мнению Т. Парсонса, социальная напряженность подчинена конфликтологической доминанте и характеризует напряжение, которое возникает между нормативным и ситуативным элементами под воздействием изменения ситуативных элементов относительно нормы [Парсонс, 2000]. Р. Мертон утверждал, что напряжение вызвано расхождением между принятыми индивидами нормами в виде целей общества и средств их достижения и возможностями для социально вознаграждаемой конформности с этими нормами, в результате чего возникает девиантное поведение и anomia [Мертон, 2006]. Ряд исследователей считают, что источником социальной напряженности является чувство несоответствия между благоприятным для человека состоянием общества и той ситуацией, которую он наблюдает в действительности [Плотников, Каспаров, 2020].

Однако представленные подходы рассматривают социальную напряженность преимущественно с личностной и индивидуально-психологической точек зрения, выводя из анализа возможное влияние на индивидум межгрупповых напряжений и общественных конфликтов в связи с различными представлениями многочисленных социальных групп относительно того, что является социальной нормой и каков ее статус в реальной ситуации.

В этой связи можно отметить мнение Л. Козера, считавшего, что межгрупповые конфликты могут играть не только разобщающую, но и стабилизирующую роль и тем самым служат устранению разобщающих элементов отношений и восстановлению единства [Козер, 2000]. Л. Козер так описывает способы канализации враждебных чувств:

— в жестких системах тоталитарного типа при изменении внешних и внутренних условий функционирования общества происходит накопление причин возникновения конфликтов, так как отсутствуют институты, которые должны выполнять роль «защитных клапанов», запускающих адаптационные механизмы. Это может привести к эскалации враждебности к власти, что представляет угрозу базовому консенсусу в обществе;

— гибкие системы допускают проявление разногласий, институционализируя каналы реализации конфликтов с использованием «балансировочного механизма» общества, тем самым отдаляя опасность разрушения базового консенсуса. В этом случае базовая структура общества остается достаточно подвижной и может выдерживать внутренние напряжения.

По мнению Л. Козера, деятельность подобных институтов, выполняющих роль «защитных клапанов», может, однако, иметь и негативные последствия как для социальной системы, так и для индивида: в социальной системе, которая начинает полагаться на защитные институты, постепенно будут ослабевать адаптационные способности, а в индивидууме будет происходить накопление негативных эмоций, которые могут сыграть роль спускового крючка разрушительного взрыва.

В этой связи Л. Козер отмечал особую позитивную роль тех конфликтов, которые возникают по вопросам целей, ценностей и интересов, не затрагивающим базовых основ межгрупповых отношений: свободно структурированные группы и открытые общества, допуская наличие конфликтов, тем самым создают защиту против тех групп из их числа, которые угрожают базовому консенсусу.

В этом подходе может состоять и ключ к способу пресечения конфликтов, а значит, к снижению уровня социальной напряженности между властью и группами общества: власти следует вводить институты, выполняющие роль «защитных клапанов», которые способны проявлять гибкость и использовать механизмы деконфликтинга, сводя к минимуму разногласия со структурированными взаимозависимыми группами по вопросам, затрагивающим коренные, базовые социокультурные ценности общества. Деятельность подобных институтов будет скреплять социальную систему в одно целое, снижать социальную напряженность в обществе и предотвращать распад социальной системы по линии вероятного столкновения.

Динамика изменения уровня социальной напряженности в обществе, вытекающая из лиминальной природы кризисов и конфликтов, воспроизводит как бы ритуал перехода человека из исходной фазы путем его «отделения» от прежнего состояния (пространственного, временного и социально-морального) к фазе, фиксирующей вхождение человека в другую социальную структуру

[Turner, 1991]. Этот подход позволяет выявить определенное сходство процесса поляризации групп в обществе с развитием лиминального перехода человека из индивидуального социального статуса в групповой.

Выделяют три ключевые фазы ритуала перемены индивидом места, состояния, социальной позиции и возраста:

1) «отделение» индивида от статуса, предшествующего лиминальности, т. е. исходного состояния до перехода индивида в пограничное или переходное состояние;

2) «промежуточная», или собственно фаза лиминальности (нахождение индивида в пограничном или переходном состоянии);

3) постлиминальное «включение», т. е. состояние вхождения индивида в качественно иную социальную структуру [Геннеп, 1999].

Важнейшим фактором, сопровождающим ритуал перехода индивида через лиминальное состояние, является конфликтность, которая характеризуется наличием или отсутствием существенных побудительных социальных мотивов у индивидуума по его переходу, соответственно, в постлиминальное состояние, или все же к возврату в прелиминальный статус. Сам по себе социальный конфликт, на фоне которого происходит ритуал изменения статуса из индивидуального на групповой, может иметь разную интенсивность: слабая его интенсивность вряд ли приведет к серьезному сдвигу в сознании индивида в сторону перехода на оппозиционные рельсы, но по мере нарастания напряженности социального конфликта вероятность изменения статуса индивидуума на групповую оппозиционность будет резко возрастать. Тем более эта трансформация будет ускоряться на фоне разнотипных сложносоставных конфликтов — политических, экономических, социокультурных и т. д., которые в условиях динамичного изменения общества будут взаимопроникать и усиливать друг друга [Никовская, 2009, с. 84].

Отсюда вытекает понимание термина «поляризация» как проявление социальной напряженности, которая подкреплена наличием в обществе протестного потенциала [Глотов, Бахтизин, Волкова, 2019]. Однако исторически сложилось так, что поляризация в российских исследованиях стала трактоваться в смысле «разделение общества» по тому или иному признаку: по имущественному положению, по экономическому положению, по качеству жизни населения и т. д. По сути, поляризация была приравнена к экономическому неравенству, соответственно, и исследования в основном сегодня проводятся в привязке к пониманию социальной стратификации, которая характеризуется различиями между слоями общества, неравным объемом материального богатства, прав и обязанностей, привилегий и престижа [Пантин, 2009; Юманова, 2019].

На этом основании фокус в российских исследованиях поляризации в обществе сосредоточен на выявлении различий в социально-экономическом развитии регионов РФ по уровням ВРП на душу населения, занятости, среднедушевому денежному доходу населения, численности населения, проживающего за чертой бедности, и т. д. [Ахмедуев, 2017].

Кроме того, исследователи выделяют две основные причины, определяющие интенсивность социального напряжения в обществе [Плотников, Каспаров, 2020]:

— неудовлетворительное состояние общественной структуры (низкий уровень качества жизни, нехватка материальных средств, недостаток или низкое качество медицинских услуг, коррупция в органах власти и т. д.);

— недостаточно корректные социальные запросы граждан, сознательно или неосознанно занимающих излишне жесткую политическую позицию, которая не может быть удовлетворена в объективно сложившихся условиях.

Поскольку фундаментальное значение, характеризующее состояние социальной напряженности, имеет степень неудовлетворенности члена общества какой-либо потребностью, которую при опросе он оценивает как важную и значимую, можно обосновать причинно-следственную связь между уровнями социальной напряженности и удовлетворением насущных потребностей человека в обществе. Однако результаты исследования, которое провел Ю. В. Каира, привели его к выводу о том, что опросные методы исследования социальной напряженности в основном работают тогда, когда необходимо сформулировать или принять то или иное управленческое решение на основании оценки степени удовлетворенности индивидов реализацией их потребностей и состояния общественного сознания в определенный момент времени [Каира, 2017].

Таким образом, проведенный нами анализ методик оценки уровня социальной напряженности в обществе показал, что данные методики не дают возможности прогнозировать уровень социальной напряженности и, следовательно, не позволяют своевременно регулировать ее уровень, предупреждать социальные конфликты, приводящие к дестабилизации различных социальных систем.

Социальное напряжение общества, происходящее из простого недовольства граждан своим экономическим и социальным положением, в случае перерастания раздражения в социальный конфликт из-за тех или иных непрофессиональных действий властных структур динамично трансформируется в состояние социальной поляризации, в котором еще незрелые неконформисты начинают группироваться вокруг стихийно или организованно появляющихся лидеров. В данных обстоятельствах личностное социальное напряжение начинает постепенно конвертироваться в общественное социальное напряжение. В этот транзитивный момент человек из индивидуального социального статуса «испытывающего некоторый социальный дискомфорт, но неотягощенного при этом какими-либо обязательствами по отношению к той или иной оппозиционной группе» переходит в то самое лиминальное, бесстатусное состояние, характеризующееся потенциалом ускоренного роста социального напряжения индивидуума до критических значений на фоне социального конфликта, т. е. до пороговой точки, в которой индивидуум на фоне эскалации социального конфликта может принять внутреннее решение о своей идентификации с той или иной протестной группой.

В случае перехода индивидуума через точку принятия решения ритуал его перехода в качественно новый групповой социальный статус можно считать завершенным, так как индивид добровольно приобщается к групповым оппозиционным действиям, принимая на себя групповые протестные обязательства.

Как было отмечено ранее, социальная поляризация общества, по мнению российских исследователей, является производной от индекса удовлетворенности жизнью, который определяется по результатам социологических исследований¹. Но индекс удовлетворенности жизнью, как правило, зависит в основном от потребительских вкусов и эмоциональных ощущений, имеющих краткосрочный характер, и постоянно изменяется в широком диапазоне значений вследствие стремительно происходящих социальных, экономических и технологических трансформаций. Если бы социальная поляризация в обществе следовала бы за динамикой краткосрочных ощущений, то это приводило бы к регулярным всплескам социальной оппозиционной активности.

Однако в реальности этой связи мы не наблюдаем. Например, индекс удовлетворенности жизнью у населения России колебался в диапазоне от 44 п. п. в июне 2021 г. до 54 п. п. в сентябре 2021 г.², и в этот же период не было отмечено никаких значимых протестных акций. Следовательно, существуют иные, более инерционные, чем краткосрочные ощущения людей, факторы, которые в большей степени формируют линию поведения людей в момент социального излома, удерживая их от выхода на баррикады.

Мы считаем, что происходит это оттого, что стратегические действия индивидов прежде всего определяются их ценностными установками, синтезированными из убеждений, верований и духа, которые своевременно включают ментальные ограничители, балансирующие спонтанные действия индивидов под воздействием эмоциональной рефлексии. Это означает, что ключевым аспектом поляризации в обществе являются мировоззренческие, ценностные отношения индивидов при их социальном поведении в обществе.

Эта гипотеза объясняет механизм социальной поляризации, который характеризуется постепенной эскалацией социальной напряженности в обществе вследствие не решения существующих, по мнению граждан, социальных проблем, и последующее размежевание общества на отдельные социальные группы, исповедующие несовпадающие базовые ценности и поэтому по-разному понимающие пути преодоления этих социальных проблем. В этом случае уровень социальной поляризации в обществе будет оцениваться тем, насколько далеко друг от друга расположены базовые ценности, принятые в той или иной социальной группе. Соответственно, эти социальные группы будут формировать и реализовывать собственные планы действий по решению тех или иных социальных проблем, исходя из групповой интерпретации того, что для них,

¹ Сайт ВЦИОМ. Социальное самочувствие россиян. 28 декабря 2021 года. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-rossijan-monitoring> (дата обращения: 28.09.2022).

² Там же.

собственно говоря, является «социальной проблемой», а также понимания глубинного смысла своих групповых ценностных установок.

Наличие большого количества стратегических планов по решению ключевых социальных проблем, каждый из которых привязан к конкретным социальным группам, порой находящимся на противоположных ценностных флангах, не будет способствовать быстрому и эффективному социально-экономическому развитию страны. Более того, существует опасность, что длительное уклонение от решения социальных проблем при таком разобщении стратегических планов способно в короткий срок привести существенную часть общества в постлиминальную фазу, тем самым поставив под угрозу обрушения всю страну. О таких рисках писали Томас Карозерс и Эндрю О'Донохью в своей книге, в которой ввели понятие «пагубной поляризации» как процесса, который чаще всего обусловлен одним политическим расколом, преобладающим над другими расколами, и доминирующим в плюралистической политической жизни общества [Carothers, O'Donohue, 2019]. В случае возникновения конфликтной ситуации «пагубная поляризация» имеет свойство усиливаться, втягивая страну в нисходящую воронку гнева и раскола, для избавления от которой нет простых решений.

Исходя из признаков сходства концепции лиминального перехода с концепцией трансформации социального напряжения в социальную поляризацию, можно сделать предположение о возможных трех фазах роста социальной напряженности в обществе.

На фазе «отделения» индивидуума от статуса, предшествующего лиминальности, логичным является снижение социальной напряженности в обществе, сглаживание интенсивности зарождающихся социальных конфликтов. При таком сценарии власть воздействует, в первую очередь, на улучшение субъективного восприятия индивидом своих действий с целью недопущения перехода индивида в лиминальное, пороговое состояние, после чего он может проявить групповой социальный статус, склонный к оппозиционным действиям.

На этой фазе власти рекомендуется системно обеспечивать повышение уровня благосостояния населения в сочетании с отзывчивостью на запросы людей и с демонстрацией операционной транспарентности своей деятельности, направленной на решение самых насущных, прежде всего социально-бытовых, проблем граждан. Здесь преимущественно будет срабатывать концепция воздействия власти на общество по всему спектру своей деятельности, в первую очередь по линии повышения доходов граждан.

В случае перехода в фазу лиминальности, характеризующуюся особой неустойчивостью субъективного мнения индивидуума на фоне произошедших провалов власти, властным структурам можно рекомендовать предпринимать шаги, направленные на снижение интенсивности социального конфликта, на фоне которого происходит нарастание социальной напряженности.

Однако здесь нужно сделать следующее замечание: как писал Э. Дюркгейм, государство — это тяжелая машина, которая годится только для общих и простых работ, так как ее однообразная деятельность не может приспособляться к бесконечному разнообразию частных обстоятельств [Дюркгейм, 1994]. По-

этому на этой фазе индивидуальную работу с колеблющимися индивидуумами и социальными группами лучше осуществлять силами провластных некоммерческих организаций (общественных, культурных, исторических, спортивных и т. д.), пользующихся значительным авторитетом среди граждан для того, чтобы взаимодействовать путем личного контакта между представителями НКО и колеблющимися индивидуумами и сообществами на предмет преодоления последствий властных провалов.

Согласие авторитетных личностей, представляющих НКО, сотрудничать с властью можно использовать не только как свидетельство того, что властные органы отреагировали на сигналы от общества, осознают свою ответственность за благополучие общества и в состоянии исправить случившиеся ошибки, но и как пример для других колеблющихся граждан, находящихся в лиминальном состоянии, что с этой властью можно взаимодействовать и конструктивно сотрудничать, поэтому их переход в оппозиционный лагерь не имеет смысла.

Таким образом, на этой фазе преимущественно будет действовать концепция индивидуального воздействия провластных НКО на отдельных колеблющихся граждан, обладающих значительным потенциалом влияния на таких же граждан, но находящихся в прелиминальной или лиминальной фазах.

На постлиминальной фазе, когда индивид вступает в новую реальность социальной поляризации, в которой его приверженность групповым ценностям и подчиненность лидерам превалирует над внутренними установками личности, особую значимость приобретают групповые интересы, которые наделяются политическими, экономическими, социальными, территориальными и иными смыслами. На этой фазе до того скрытая от общества внутри личности социальная напряженность при групповой поддержке и одобрении начинает возбуждаться, демонстрироваться публично, в обществе происходит разделение по линиям групповых настроений, появление которых сигнализирует о начале трансформации индивидуальной социальной напряженности в поляризацию между отдельными социальными группами, имеющими разные общественные интересы. В этом случае власть может работать с такими группами преимущественно путем нахождения более или менее устойчивого баланса выгод и предпочтений, логика поиска которого заключается в том, чтобы принять противоположную сторону как действительную, пытаясь понять различия и апеллируя к коренным, базовым ценностям, концептуальным системам, нравам и социальной жизни других культурных групп [Tichenor, Donohue, Olien, 1980]. Принципиальным решением в процессе поиска такого баланса между властью и оппозиционными группами может стать выявление схожих интересов и убеждений, которые направлены на улучшение функционирования существующей социальной и политической системы, а не на дальнейшее разделение властных и оппозиционных команд.

На этой фазе преимущественно действует концепция политических сетей, согласно которой возможный баланс интересов действующих акторов конструируется путем обмена имеющихся у власти и оппозиции ресурсов на основе взаимоприемлемого соглашения, для выработки которого даже оппозицион-

ные участники сети вынуждены вступать во взаимодействие. Тем не менее следует помнить, что выстроить баланс интересов с так называемой непримиримой оппозицией — подчас неразрешимая задача.

Представленная здесь последовательность фаз трансформации социального напряжения не является неотвратимым сценарием, результатом которого станут эскалация социальной поляризации и рост протестной активности. Это всего лишь вероятный сценарий осуществления политического процесса социальной поляризации общества, который может быть прерван или изменен на любой стадии путем политического, экономического или культурного воздействия на индивида или на социальную группу в целом.

Исходя из приведенных здесь рассуждений, можно вывести очевидное для нас заключение, состоящее в том, что главной задачей власти, связанной с деполяризацией общества, представляется препятствование переходу индивидуума в постлиминальное состояние. Этот вывод обосновывается тем, что в случае усиления оппозиционных групп на индивидуальную работу с колеблющимися гражданами в лиминальной фазе и на достижение баланса интересов с оппозиционными группами на постлиминальной фазе необходимо будет направлять властные ресурсы, являющиеся дополнительными к тем, которые власть по умолчанию должна тратить для повышения уровня благосостояния населения на прелиминальной фазе. Иными словами, переход социальной напряженности в социальную поляризацию общества означает резкий рост расходов властных структур на осуществление мероприятий по деполяризации оппозиционных групп.

МЕТОДЫ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Оценка социальной напряженности в обществе через ценностные факторы предполагает решение задачи измерения ценностных ориентаций, отталкиваясь от которой можно будет произвести измерение существующего уровня социальной напряженности и затем оценить риски социальной поляризации в обществе.

Одним из первых методик оценивания ценностных факторов предложил М.Рокич, который разделил все жизненные ценности на две группы: терминальные, или базовые общечеловеческие ценности, определяющие качество человеческого бытия (счастье, внутренняя гармония, удовлетворенность своей профессией и т.д.); инструментальные, или ценности обыденной жизни, принятый в данном обществе кодекс поведения, определяющий личные качества (храбрость, аккуратность, воспитанность, высокие запросы, исполнительность и т.д.) [Rokeach, 1973]. Методика, предложенная М.Рокичем, позволяет респонденту с помощью внутренней рефлексии сформировать собственную иерархию ценностей, но в условиях группового тестирования интерпретация методики возможна только в условиях фокус-групп.

Теория ценностей Р.Инглхарта строится на двух фундаментальных гипотезах [Inglehart, 1997]. Первая — гипотеза ценностной значимости недостаю-

щего, в рамках которой выдвигается утверждение, согласно которому субъективной ценностью индивида декларируется только та, в которой существует непосредственная потребность в рамках социально-экономической системы. Вторая — гипотеза «социального лага», согласно которой смена ценностей в обществе происходит далеко не сразу, а постепенно, со сменой поколения носителей определенных ценностей на поколение носителей других ценностей.

Р. Инглхарт заметил, что ценности постмодерна наиболее характерны для состоятельных слоев населения, имеющих углубленное образование, т. е. тех людей, которые наибольшим образом ощущают уверенность в будущем и, следовательно, находятся в состоянии экзистенциальной безопасности. В то же самое время те слои населения, состояние которых характеризуется наименьшей устойчивостью, будут придерживаться ценностей выживания.

Это привело Р. Инглхарта к выводу о том, что существует возможность очевидного конфликта между носителями материальных ценностей и ценностей постматериальных, который может привести к ценностной поляризации общества. Особенно остро данное явление может проявиться в случае несоответствия ценностей властных и подвластных групп общества.

М. С. Яницкий предложил трехуровневую модель классификации ценностных ориентаций [Яницкий, 2020]:

— предконвенциональный тип ценностей — это ценности адаптации, формирующие низший, защитный уровень системы ценностных ориентаций личности (доминирование ценностей адаптации в индивидуальной ценностной системе, задавая становление адаптирующегося типа личности, ориентирующегося на ценности выживания и самоутверждения);

— конвенциональный тип ценностей — это ценности социализации, формирующие средний, заимствованный уровень индивидуальной ценностной системы (преобладание ценностей социализации и в конечном счете в формировании социализирующегося ценностного типа, характеризующегося направленностью на традиционные ценности и ценности значимых других);

— постконвенциональный тип ценностей — это ценности индивидуализации, формирующие высший, автономный пласт системы ценностных ориентаций (преобладание направленности на самореализацию и саморазвитие ради блага всех людей).

Широко известен метод оценки социальной напряженности, разработанный Г. В. Барановой, который базируется на балльной оценке населением уровня неудовлетворенности качеством их жизни и социальным благополучием [Баранова, Фролов, 2012]. Разработанная Г. В. Барановой модель развития и проявления социальной напряженности устанавливает соответствие между стадиями развития социальной напряженности (качественная характеристика), ее уровнями.

В этой связи следует отдельно выделить исследование Г. П. Артемова, в котором он устанавливает определенные закономерности ценностной поляризации общества [Артемов, 2014]. Г. П. Артемов отмечал, что расслоение населения по доходам, безусловно, ведет к его ценностной стратификации.

Однако ценностная стратификация населения вследствие расслоения по доходам меньше, чем ценностная стратификация, например, людей с религиозными чувствами и атеистами. То есть степень ценностной поляризации среди верующих и неверующих, молодых и пожилых, обеспеченных и малоимущих в большей мере зависит от соотношения людей с позитивными и негативными моральными установками в этих социальных группах, чем от уровня доходов в этих же группах.

Это подтверждает нашу гипотезу о том, что наиболее правильным подходом к исследованию социальной напряженности в обществе будет проведение анализа взаимосвязи ее уровня в обществе с базовыми ценностями, которые являются ключевыми индикаторами для отслеживания процессов социальных и индивидуальных изменений, возникающих в результате исторических, социальных и личных событий, так как главное различие между разными видами ценностей — это разное целеполагание между ними.

Огромный научный вклад в изучение ценностных факторов в обществе внес известный израильский ученый Ш. Шварц, который полагал, что, во-первых, каждая ценность индивида фокусируется на каком-либо результате, которого он желает добиться, например, личной или социальной выгоды, открытости изменениям, создания общего блага, во-вторых, существуют универсальные человеческие ценности, которые встречаются в каждой человеческой культуре [Schwartz, 1994]. В соответствии с этими двумя методологическими предпосылками Ш. Шварц создал классификацию ценностей, которые охватывают базовые потребности человека и отличаются мотивационной структурой.

Всего в классификации Ш. Шварца представлено десять мотивационных типов в соответствии с их центральной целью:

1. Безопасность — личная безопасность индивида и социума и поддержание общественной гармонии.

2. Конформность — стремление индивида к предотвращению действий, которые могут создать условия причинения вреда социуму или ему самому.

3. Традиции — принятие и защита тех идей, которые существуют в культуре индивида.

4. Самостоятельность — свобода мышления, свобода выбора, свобода творческой деятельности индивида.

5. Риск — новизна — стремление индивида к новизне, к новым переживаниям для поддержания активного образа жизни.

6. Гедонизм — получение максимального количества наслаждения и чувственного удовольствия.

7. Достижение — индивидуальный успех личности через реализацию собственных компетенций, через сравнение полученного успеха с моделью социального успеха, принятой в обществе.

8. Власть — богатство — способность добиться определенного социального положения в обществе.

9. Благожелательность — создание условий благополучия для лиц, с которыми индивид находится в непосредственном контакте.

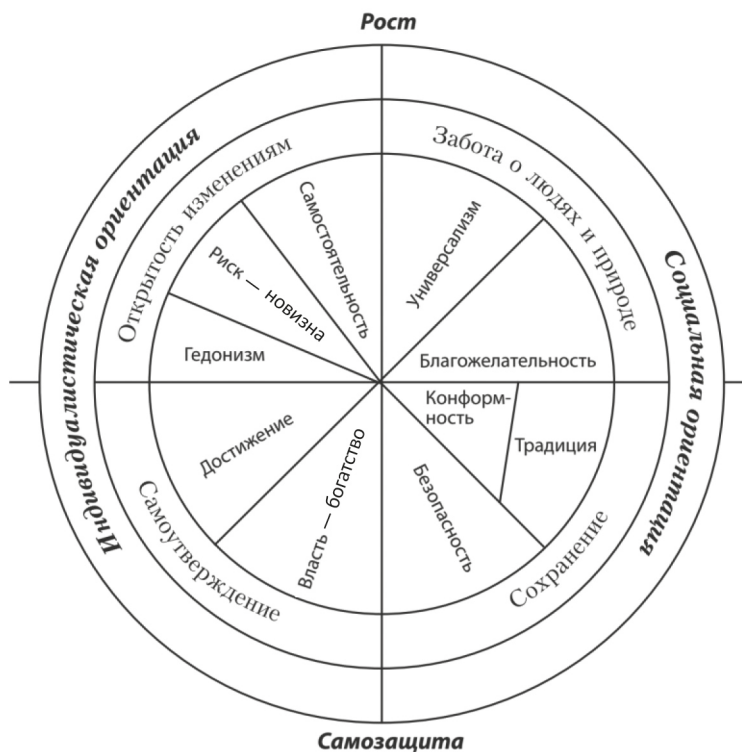

Рис. 1. Ценностный круг Ш. Шварца в интерпретации В. Магуна [Магун, 2018]

10. Универсализм — создание условий выживания для группы, которые могут выражаться через терпимость к другим людям, заботу об окружающей среде и благополучие индивидов.

Ш. Шварц разработал ценностный круг, в котором ценностные секторы расположены по уровням мотивационного содержания: чем ближе к центру, тем выше корреляция между ними, если же ценности находятся в противостоящих секторах, то они приобретают противоположные смыслы (рис. 1).

Ценностные секторы на рис. 1 расположены по уровням мотивационного содержания, т.е. чем ближе к центру, тем выше корреляция между ними, а ценности, находящиеся в противостоящих секторах, коррелируют друг с другом противоположным образом. Это означает, что чем больше разрыв между отдельными группами социальной ориентации, индивидуалистической ориентации или классом роста (класс ценностей самозащиты, как правило, отсутствует), тем выше уровень конфликтности между ними, поскольку они в этот момент находятся на противостоящих ценностных флангах. Именно в этих группах противоречия между носителями групповых ценностей будут проявляться самым решительным образом, в то время как взаимоотношения

между представителями слабой социальной группы и слабой индивидуалистической группы можно рассматривать как более компромиссные, стабилизирующие и рациональные.

Задача, которую авторы поставили перед собой в рамках исследования, заключалась в том, чтобы установить принципиальную возможность практического применения того или иного метода оценки уровня социальной напряженности в обществе, с помощью которого можно структурировать по степени поляризации весь спектр существующих социальных групп.

Следует отметить, что Европейские социальные исследования (European Social Survey³) уже более десяти лет используют метод Ш. Шварца для оценки ценностных предпочтений населения европейских стран, что свидетельствует о высокой практической применимости этой методики. Исходя из принятой гипотезы о взаимосвязи уровня социальной напряженности с базовыми ценностями общества, нами был выбран подход, который объединяет методы измерения базовых ценностей населения по методике Ш. Шварца и оценку уровня удовлетворенности жизнью, выраженную в баллах, в единую методику измерения уровня социальной напряженности для выявления социальных групп, находящихся в предлиминальном или лиминальном состоянии, предшествующих их переходу в поляризованный социальный статус, подогреваемый межгрупповыми ценностными конфликтами.

Для того чтобы подтвердить практическую возможность оценки уровня социальной напряженности в обществе в зависимости от ценностных установок тех или иных социальных групп, а также в целях апробации методики оценки состояния социальной поляризации в региональном обществе в декабре 2021 г. (т. е. еще до начала специальной военной операции), нами был проведен социологический опрос в семи различных регионах России: Приморский край (Михайловский район), Тамбовская область (научград — город Мичуринск), Челябинская область (город Челябинск), Саратовская область (город Саратов), Республика Хакасия, Республика Саха (Якутия) (Усть-Алданский улус), город Москва.

Представленные ниже результаты исследования являются пилотными, так как выборка респондентов осуществлялась по принципу доступности, т. е. опрашивались только те представители совокупности, которые легко доступны для исследования. Применение такого подхода было необходимо прежде всего для того, чтобы в первом приближении подтвердить принципиальную возможность измерения социальной напряженности в обществе, исходя из оценки базовых ценностей отдельных его членов, с тем чтобы в последующем апробировать методику ее измерения на более широком социологическом материале, сбор которого следует произвести в рамках отдельного исследовательского проекта. Кроме того, в рамках исследования была поставлена задача подтверждения или опровержения гипотезы о наличии взаимосвязи интегрального коэффици-

³ Сайт European Social Survey. Информация о ESS. URL: https://www.CESSI.ru/_files/ugd/634eda_5284ef65c874489d8c89c8a1e2dea6d5.pdf (дата обращения: 28.09.2022).

ента неудовлетворенности жизнью, коэффициента Джини и среднедушевого дохода населения исследованных регионов.

Всего в рамках доступной выборки в опросе приняли участие 520 человек, из которых 50,62% составляли мужчины. 33,36% респондентов имели среднее и среднее специальное образование, 66,64% — высшее образование. По роду занятий респонденты представляли разнообразные сферы деятельности: 25,99% — служащие и инженерно-технические работники; 17,39% — работники сферы культуры и искусства, науки и высшего образования; 11,60% — работники социальной сферы, образования, медицины; 10,64% — студенты вуза, техникума, колледжа; 10,08% — производственные рабочие; 6,78% — работники сферы торговли и бытового обслуживания; 5,59% — предприниматели крупного, среднего и малого бизнеса; 3,56% — служащие банковской сферы; 8,37% прочие работники. С учетом поискового характера исследования индивидуальная оценка ценностных ориентаций респондентов использовалась для сравнения между собой отдельных социальных групп, а не для описания ситуации на уровне генеральной совокупности в целом.

В рамках социологического опроса респонденты отвечали на вопрос о том, насколько они удовлетворены различными сторонами своей жизни. Суммирование ответов респондентов позволило нам сформировать интегральные показатели удовлетворенности жизнью, значения которых затем были использованы при выявлении взаимосвязи между ценностными установками респондентов и уровнем их удовлетворенности жизнью.

Кроме того, респонденты в ходе опроса выставляли баллы по каждому ответу на вопросы анкеты, составленной на основании портретного опросника Ш. Шварца. Далее весовые значения ответов респондента обрабатывались путем распределения по соответствующим десяти базовым ценностям и четырем укрупненным ценностным категориям первого уровня ценностного круга Ш. Шварца (табл. 1).

Таким образом, отвечая на самые простые вопросы анкеты, респонденты по факту оценивали свои базовые ценностные установки, не идентифицируя их напрямую, что позволяло судить о реальной, а не надуманной степени значимости того или иного типа ценности для каждого респондента. Далее проводилось ранжирование типов ценностей: первый ранг присваивался типу ценностей, имеющему наиболее высокий средний балл, десятый — имеющему самый низкий средний балл. Ранг от 1 до 3, полученный соответствующими типами ценностей, характеризовал их высокую значимость для респондентов. Ранг от 4 до 10 свидетельствовал о низкой значимости соответствующих ценностей.

Для того чтобы распределить население исследованных регионов по ценностным группам, первоначально необходимо было выделить десять рангов по каждой оси ценностных категорий первого уровня «Самоутверждение — забота о людях и природе» и «Сохранение — открытость изменениям» (по этим осям строилось распределение ценностных групп индивидуалистических и социальных ориентаций). Чтобы определить шаг каждого ранга, были найдены значения, соответственно, в ценностной категории первого уровня «Забота

Таблица 1. Соотнесение вопросов анкеты, базовых ценностей и ценностных категорий первого уровня (по Ш. Шварцу)

№	Вопрос анкеты, составленной на основании портретного опросника	Базовая ценность	Укрупненная ценностная категория первого уровня
1	Насколько вам важно избегать всего того, что может угрожать вашей безопасности?	Безопасность	Сохранение
	Насколько для вас важно, чтобы государство было сильным и обеспечивало вашу безопасность во всех отношениях?		
2	Насколько вам важно следовать правилам, даже если никто за вами не следит?	Конформность	
	Насколько для вас важно не совершать поступков, которые другие люди могли бы осудить?		
3	Насколько вам важно следовать правилам, даже если никто за вами не следит?	Традиция	
	Насколько для вас важно не совершать поступков, которые другие люди могли бы осудить?		
4	Насколько вам важно подходить ко всему творчески, делать по-своему, оригинальным способом?	Самостоятельность	Открытость изменениям
	Насколько для вас важно принимать самостоятельные решения и не зависеть от других?		
5	Насколько вам нравятся неожиданности, возможность попробовать что-то новое?	Риск — новизна	
	Насколько вам нравится рисковать, жить полной событиями жизнью?		
6	Насколько вам важно хорошо проводить время, баловать себя?	Гедонизм	
	Насколько вам важно заниматься тем, что доставляет вам удовольствие?		
7	Насколько вам важно демонстрировать свои способности, чувствовать восхищение других вашими поступками?	Достижение	Самоутверждение
	Насколько вам важно быть успешным, чтобы люди признавали ваши достижения?		
8	Насколько для вас важно быть богатым, иметь много денег и дорогих вещей?	Власть — богатство	
	Насколько для вас важно, чтобы люди делали так, как вы говорите?		

№	Вопрос анкеты, составленной на основании портретного опросника	Базовая ценность	Укрупненная ценностная категория первого уровня
9	Насколько вам важно помогать окружающим, заботиться об их благополучии?	Благожелательность	Забота о людях и природе
	Насколько вам важно быть верным своим друзьям и близким?		
10	Насколько для вас важно, чтобы у каждого человека в мире были равные возможности в жизни?	Универсализм	
	Насколько вам важно мнение других людей, даже если вы с ним не согласны?		
11	Насколько вам важно сбережение людьми природы?		
	Насколько вам важно проявлять заботу об окружающей среде?		

о людях и природе» минус «Самоутверждение», а также «Открытость изменениям» минус «Сохранение» по каждому респонденту. Затем вся генеральная совокупность полученных показателей респондентов была отсортирована по убыванию от наивысшего до наименьшего показателя по критерию разницы между показателями респондента по каждой оси ценностных категорий первого уровня, после чего разница между наивысшим и наименьшим показателем была разделена на 10. Таким образом был получен шаг одного ранга для построения распределения ценностных групп индивидуалистических и социальных ориентаций.

Далее ранги были разбиты по степени значимости: 1–3-й ранги — высокая значимость; 4–5-й ранги — пониженная значимость; 6–7-й ранги — слабая значимость; 8–10-й ранги — низкая значимость. В результате такого ранжирования и с учетом расположения осей ценностных категорий первого уровня была сформирована таблица иерархии типов ценностей для населения того или иного региона (табл. 2).

По результатам обработки исходных данных по всем исследованным регионам был разработан график сводного распределения ценностных групп (рис. 2).

Для того чтобы оценить степень поляризации в региональном обществе, можно рассчитать расположение центров ценностных групп в системе координат «Самоутверждение — забота о людях и природе» и «Сохранение — открытость изменениям». Оценивая расстояние между центрами всех ценностных групп и соизмеряя долю населения, отнесенного к этим группам, можно будет оценивать и уровень социальной напряженности в региональном обществе:

Таблица 2. Иерархия типов ценностей для населения регионов

№	Ценностная группа	Ценностная категория первого уровня	Ранги
1	Сильная социальная группа	Самоутверждение — забота о людях и природе	1–3-й
		Сохранение — открытость изменениям	8–10-й
2	Слабая социальная группа	Самоутверждение — забота о людях и природе	4–5-й
		Сохранение — открытость изменениям	6–7-й
3	Слабая индивидуалистическая группа	Самоутверждение — забота о людях и природе	6–7-й
		Сохранение — открытость изменениям	4–5-й
4	Сильная индивидуалистическая группа	Самоутверждение — забота о людях и природе	8–10-й
		Сохранение — открытость изменениям	1–3-й
5	Класс роста	Самоутверждение — забота о людях и природе	1–3-й
		Сохранение — открытость изменениям	1–3-й

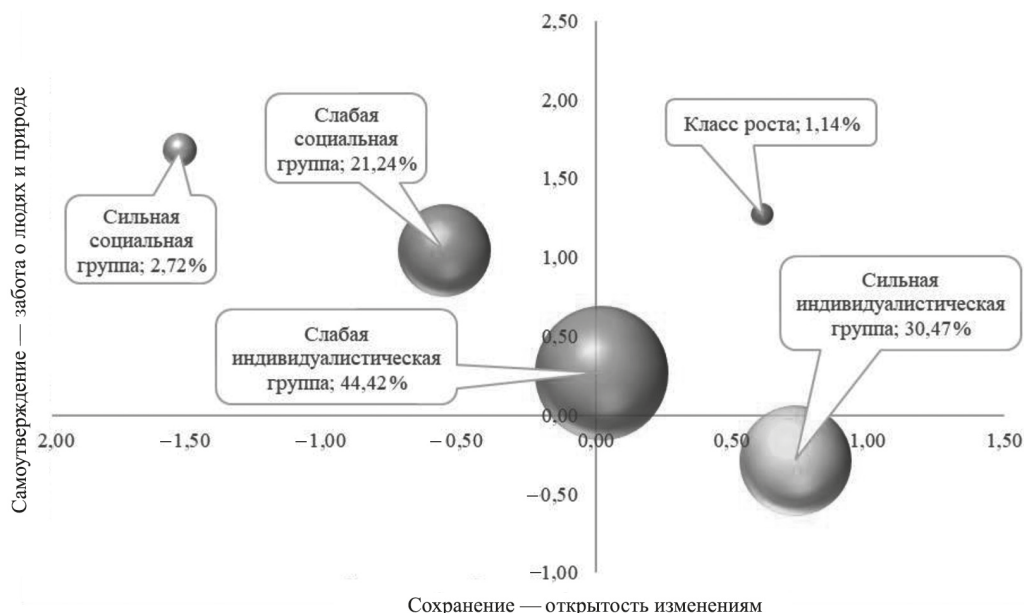

Рис. 2. График сводного распределения ценностных групп по всем исследуемым регионам

чем больше расстояние между противостоящими ценностными группами и чем больше доля этих групп по численности, тем выше потенциал роста социальной напряженности в региональном обществе, триггером для которого может быть даже незначительное событие.

Также была разработана диаграмма сводного распределения ценностных групп по всем исследованным регионам (рис. 3).

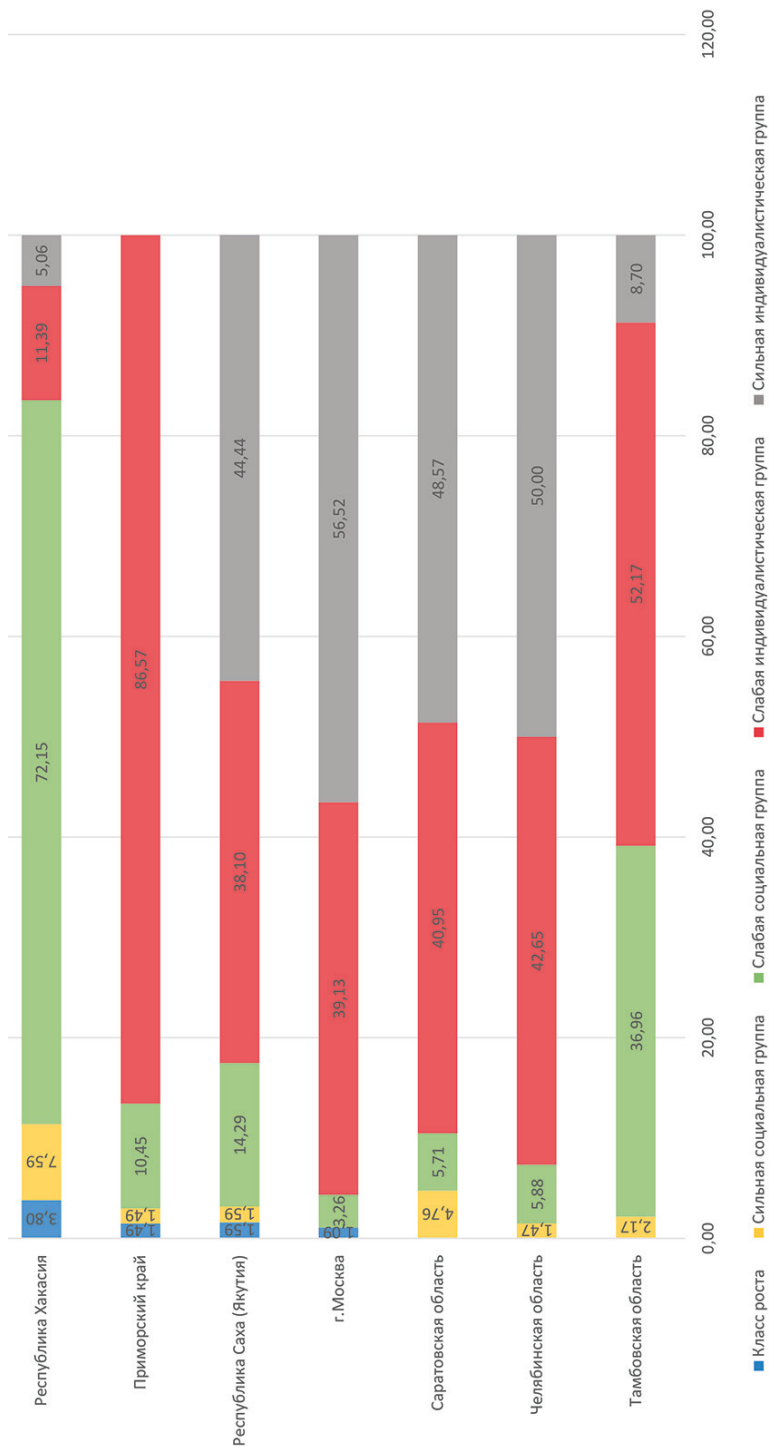

Рис. 3. Диаграмма сводного распределения ценностных групп по всем исследуемым регионам

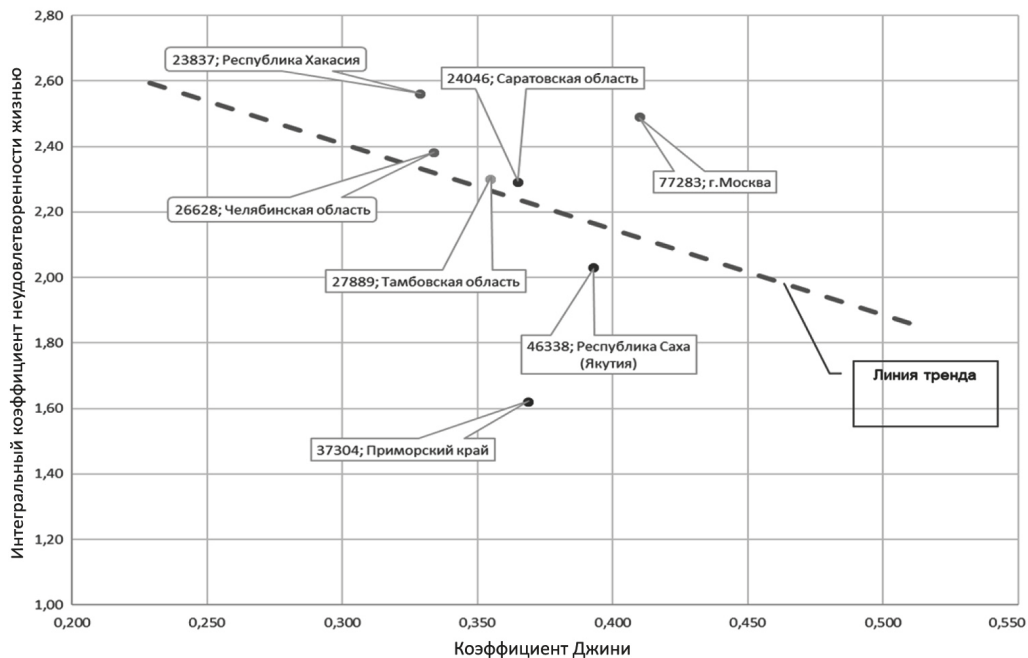

Рис. 4. Взаимосвязь интегрального коэффициента неудовлетворенности жизнью (1 — удовлетворен, 4 — крайне не удовлетворен), уровня неравномерности распределения доходов населения (коэффициента Джини) и среднедушевого дохода населения (тыс. руб. в месяц) по всем исследуемым регионам

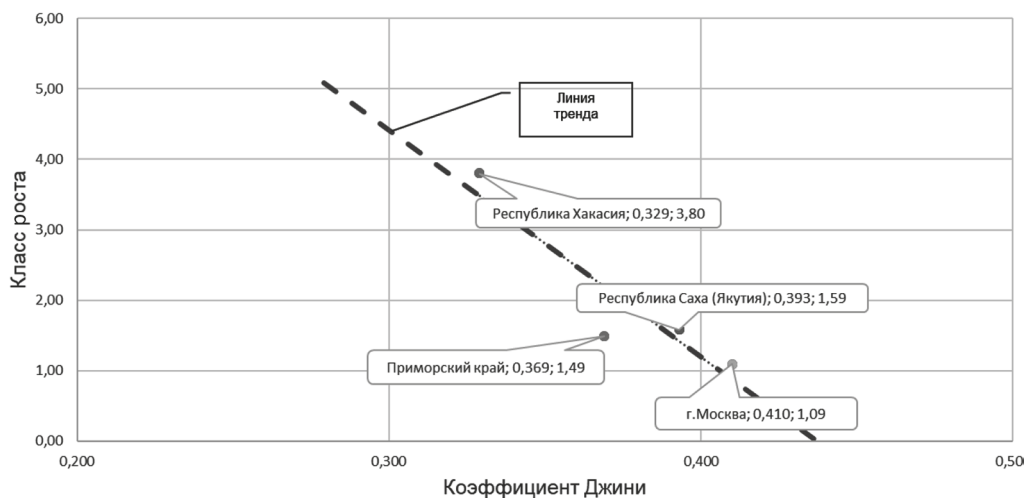

Рис. 5. Взаимосвязь класса роста (доля населения, %) и уровня неравномерности распределения доходов населения (коэффициента Джини) по всем исследуемым регионам

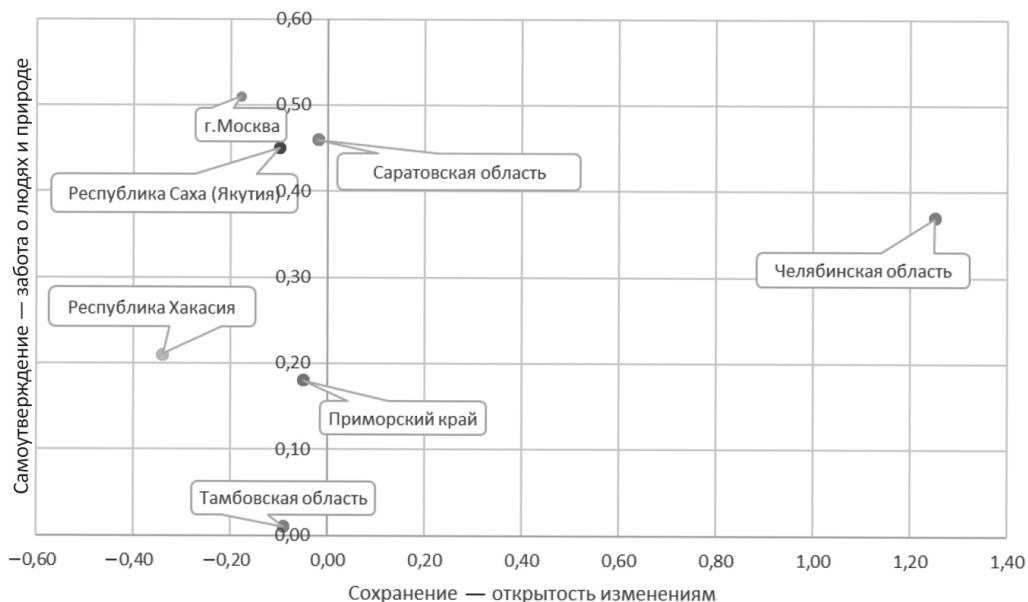

Рис. 6. Распределение интегральных ценностных категорий первого уровня по всем исследуемым регионам

По результатам исследования была выявлена взаимосвязь интегрального коэффициента неудовлетворенности жизнью, коэффициента Джини и среднедушевого дохода по регионам (рис. 4).

Кроме того, была выявлена взаимосвязь количества респондентов, относящих себя к классу роста, и коэффициента Джини по исследованным регионам (рис. 5).

Распределение интегральных ценностных категорий первого уровня по исследованным регионам представлено на рис. 6.

И наконец, был разработан рейтинг базовых ценностей по исследованным регионам (табл. 3).

ДИСКУССИЯ ПО МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Основной содержательный вывод, который можно сделать по результатам исследования: на сегодняшний день население исследованных регионов исповедует приблизительно однородные ценности, а ценностные фланги настолько близки друг другу, что вероятность роста социальной напряженности в этих регионах невелика.

Однако анализ распределения ценностных групп (рис. 3) указывает на риски роста социальной напряженности в Челябинской области (город Челябинск), так как доминирующие группы сильной индивидуалистической ориентации

Таблица 3. Рейтинг базовых ценностей (в порядке убывания значения критерия) по исследованным регионам

Приморский край	Тамбовская область	Республика Хакасия	Челябинская область	Саратовская область	Москва	Республика Саха (Якутия)
Безопасность	4,89	5,33	5,41	5,13	5,75	5,05
Гедонизм	4,62	4,89	5,28	4,96	5,70	5,00
Самостоятельность	4,53	4,63	5,04	4,93	5,39	4,89
Универсализм	4,46	4,29	4,86	4,80	5,03	4,72
Благожелательность	4,45	4,06	4,63	4,54	4,89	4,71
Достижение	4,42	4,05	4,56	4,49	4,86	4,71
Конформность	4,40	4,01	4,56	4,47	4,79	4,60
Традиция	4,39	3,73	4,13	4,45	4,65	4,59
Риск — новизна	4,34	3,73	3,35	4,39	4,18	4,56
Власть — богатство	4,25	3,54	3,21	4,36	3,77	4,49

(50,00 %) и слабой индивидуалистической ориентации (42,65 %) расположены на довольно большом расстоянии от групп социальной ориентации, и только их невысокая доля (1,47 % — сильная социальная группа и 5,88 % — слабая социальная группа) не позволяет представителям этих флангов войти в серьезный социальный конфликт по вопросу направлений дальнейшего развития Челябинской области. Отсутствие в Челябинской области класса роста также не способствует переводу индивидуалистических настроений основной массы населения в энергию созидательного труда для достижения региональных приоритетов.

В целом мизерность или отсутствие класса роста в исследованных регионах ставит перед региональными элитами ключевую задачу по поиску путей мотивации наибольшего количества людей на проявление креатива и инноваций.

Отдельно следует сказать о распределении ценностных групп по исследуемым регионам (рис. 3), а именно — о большой доле населения, которую можно отнести к сильной индивидуалистической группе в Саратовской (48,57 %), Челябинской (50,00 %) областях, в Республике Саха (Якутия) (44,44 %) и в Москве (56,52 %). Это те люди, которые готовы к риску во имя изменений, но при этом их амбиции и эгоистические устремления нацелены в основном на созидание для себя, а не для развития общества. Такая расстановка ценностных групп может создать определенные риски в части роста социальной напряженности в будущем, если региональные власти не смогут направить креативную энергию этой части населения на пользу обществу.

Также следует выделить доминирующую в Приморском крае долю слабой индивидуалистической группы (86,57 %), в которую входят те люди, которые не стремятся к успеху, у них заниженные амбиции, они вполне довольны тем, что у них есть сегодня, а это означает, что у них отсутствует мотивация на движение вперед, на решение задач инновационного развития региона.

Интерес представляют результаты анализа взаимосвязи, с одной стороны, интегрального коэффициента неудовлетворенности жизнью (рис. 4), который рассчитывается по средневзвешенным балльным ответам согласно опросным анкетам по каждому исследованному региону, с другой стороны, уровня неравномерности распределения доходов населения (коэффициент Джини) по исследованным регионам. Из графика следует, что личные ощущения респондентов относительно удовлетворенности жизнью в том или ином регионе, как бы противоречиво это ни выглядело, вполне коррелируют с коэффициентом Джини (см. линию тренда): чем выше уровень общественного неравенства (выше коэффициент Джини), тем меньше неудовлетворенность жизнью у населения. Это может объясняться тем, что в исследуемых регионах коэффициент Джини тесно коррелирует со среднедушевыми доходами населения: чем выше коэффициент Джини, тем выше среднедушевые доходы населения исследуемых регионов и тем ниже уровень неудовлетворенности жизнью населения. Таким образом, в условиях более высокого расслоения между бедными и богатыми людьми население в целом имеет больше доходов и чувствует себя более защищенным, а в обществе, в котором доходы распределены более равномерно, у людей начинает возникать ощущение неудовлетворенности сложившимся по-

ложением, характеризующимся стагнацией, уравниловкой, что, в свою очередь, у многих порождает желание изменить ситуацию и добиться личного успеха.

Эта тенденция подтверждается результатами анализа взаимосвязи доли населения, которая относится к классу роста, с коэффициентом Джини по исследованным регионам (рис. 5), согласно которым можно увидеть четкую закономерность: чем выше общественное неравенство в регионе, тем ниже доля класса роста среди населения региона. Это можно объяснить тем, что высокий уровень неравенства, с одной стороны, является результатом жесткой конкурентной борьбы, в результате которой инициативные граждане не всегда могут воспользоваться своими достижениями, уступая конкурентному давлению более успешных и богатых соперников, тем самым снижаются стимулы для части населения, занятого творчеством и креативом. С другой стороны, более высокий уровень среднедушевого дохода населения в регионах с низкой долей класса роста снижает стимулы для проявления творчества и креатива, потому что и так все хорошо и нет смысла рисковать ради негарантированных перспектив. К сожалению, дух предпринимательства в исследуемых регионах находится на низком уровне, особенно это заметно в Тамбовской и Саратовской областях, в которых класс роста вообще отсутствует, а коэффициент Джини находится в срединном диапазоне между группами регионов, имеющих более высокие и более низкие коэффициенты Джини.

Распределение интегральных ценностных категорий первого уровня («Самоутверждение — забота о людях и природе» и «Сохранение — открытость изменениям») по исследованным регионам представлено на рис. 6. Из этого графика можно увидеть, что приверженность интегральной ценности открытости изменениям больше всего присуща населению Челябинской области, а приверженцев сохранения текущего образа жизни больше всего в Республике Хакасия. С точки зрения предрасположенности к открытости обществу лидерами является население Москвы, Республики Саха (Якутии) и Саратовской области, в то время как население Тамбовской области (в большей степени) и Приморского края (в меньшей степени) подвержено эгоистическим устремлениям. Вообще, население Тамбовской области наиболее аморфно, инертно и не склонно проявлять себя ни в отношении ко всему обществу, ни в части стремления к новому, разуверилось в возможности построить свое будущее, и «расторгнуть» его будет чрезвычайно трудно.

Следует отметить, что в целом население Челябинской области среди всех исследуемых регионов наиболее предрасположено к переходу в класс роста, так как имеет наибольшую долю населения, которую можно отнести к сильной индивидуалистической группе, однако серьезный потенциал увеличения класса роста имеют и жители Республики Саха (Якутия), Саратовской области и Москвы, также обладающие достаточно большой долей населения в сильной индивидуалистической группе. Осталось только приложить усилия для того, чтобы преобладающие эгоистические устремления этой части населения изменить в сторону большей благожелательности к людям и окружающей среде, а также толерантности к чужому мнению в конкурентных отношениях.

Рейтинг базовых ценностей по исследованным регионам, представленный в порядке убывания значения критерия, приведен в табл. 3. Из него можно увидеть, что во всех исследованных регионах доминантными ценностными критериями являются «Безопасность» и «Гедонизм», при этом стремление к богатству (базовая ценность «Власть — богатство») и успеху (базовая ценность «Достижение») отнюдь не является самоцелью, да и желание сделать что-то новое, полезное для общества (базовая ценность «Риск — новизна») пока еще скрыто в душах людей, и для того, чтобы оно проснулось, власти и обществу нужно приложить целенаправленные усилия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом можно сделать вывод о том, что предложенный концептуальный подход к оценке уровня социальной напряженности в региональном обществе через выявление ценностных предпочтений населения адекватно описывает распределение социальных групп общества по степени их поляризации. Представленный метод дает возможность обобщить в едином подходе мнение граждан по таким различным по смыслу аспектам деятельности, как ощущение удовлетворенности жизнью, решение ключевых региональных проблем, ценностные ориентации населения, уровень протестной активности граждан и т. д. Выявленная взаимосвязь интегрального коэффициента неудовлетворенности жизнью, коэффициента Джини и среднедушевого дохода населения исследованных регионов свидетельствует о том, что в условиях более высокого расслоения между бедными и богатыми людьми население в целом имеет больше доходов и чувствует себя более защищенным, а в обществе, в котором среднедушевой доход в целом ниже и распределен более равномерно, у людей начинает возникать ощущение неудовлетворенности сложившимся положением, характеризующимся стагнацией, что, в свою очередь, у многих порождает желание изменить ситуацию и добиться личного успеха. Этот вывод подтверждается другой выявленной закономерностью: чем выше общественное неравенство по доходам в регионе, тем ниже доля наиболее креативной части общества, нацеленной на созидательный труд, представители которой готовы рисковать, проявлять творчество и инновационный подход ради достижения собственного благополучия.

Детальная интерпретация поведения социальных групп в регионе, опирающаяся на их ценностные предпочтения, позволяет составить характерный собирательный портрет населения каждого из исследуемых регионов, подготовить прогноз возможной реакции людей на изменение внешних и внутренних факторов, а также разработать рекомендации по направлениям политического и социально-экономического развития региона.

Для достижения и поддержания долгосрочного устойчивого деполаризованного состояния региона одной из таких рекомендаций может стать рассмотрение вопроса о целесообразности создания отдельного управленческого сегмента, обеспечивающего взаимодействие с бизнесом и гражданским обществом по линии реализации общественного договора с учетом ценностных

ориентаций населения [Ильичева, Кондрашов, Лапин, 2021]. На этот компонент целесообразно было бы возложить задачу идентификации и разработки управляющего воздействия на показатель уровня поляризации в региональном обществе, который в случае его снижения будет придавать власти чувство уверенности в правильности своих действий, а в случае повышения — власть будет получать сигнал о необходимости внесения корректировки в избранный курс.

Долгосрочный характер деполяризованного состояния регионального общества предполагает активное наращивание усилий со стороны власти для скорейшего формирования открытой коммуникативной платформы, предназначенной для подготовки политических решений в региональную общественную повестку дня, разработанную совместно властью, бизнесом и обществом ради достижения общей цели — повышения качества жизни граждан.

Литература

Артемов Г. П. Факторы ценностной поляризации // Конфликтология. 2014. № 5. С. 335–338.

Ахмедуев А. Ш. Проблемы чрезмерной поляризации уровня социально-экономического развития регионов России и императивы модернизации государственной региональной политики // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 6. С. 37–51. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30646588&> (дата обращения: 28.09.2022).

Баранова Г. В., Фролов В. А. Методология и методика измерения социальной напряженности // Социологические исследования. 2012. № 3 (335). С. 50–65.

Гаман-Голутвина О. В. Современная сравнительная политология перед вызовами развития // Перспективы. Электронный журнал. Фонд изучения исторической перспективы. 2020. № 1. С. 6–29. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2020-1-6-29>

Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. М.: «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с. (Этнографическая библиотека).

Готов В., Бахтизин А., Волкова М. Социальная напряженность в субъектах Российской Федерации. Анализ причин и последствий // Федерализм. 2019. № 4. С. 142–160. URL: <https://federalizm.rea.ru/jour/article/view/127/129> (дата обращения: 28.09.2022).

Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / пер. с фр. с сокр.; под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с. URL: <http://ncpz.ru/siteconst/userfiles/file/PDF/1706/4.pdf> (дата обращения: 28.09.2022).

Ильичева Л. Е., Кондрашов А. О., Лапин А. В. Доверие как мост над пропастью неуверенности между властью и обществом // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 162–185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1917>

Каира Ю. В. Методика исследования социальной напряженности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 107–118.

Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. О. А. Назаровой; под общ. ред. Л. Г. Ионина. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 205 с.

Магун В. С., Руднев М. Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте // Материалы Гайдаровского форума. 18 января 2018 года. URL: https://www.iep.ru/files/Gaidarovskij_Forum2018/magun-18.01.18.pdf (дата обращения: 28.09.2022).

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; Хранитель, 2006. 873 с.

Никовская Л. И. Сложносоставной конфликт как инструмент анализа трансформации и кризиса // Полис. Политические исследования. 2009. № 6. С. 83–94. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2009/6/7.pdf> (дата обращения: 28.09.2022).

Пантин В. И. Социально-политическая поляризация современного российского общества: основные факторы и тенденции // Материалы Пятого Всероссийского конгресса по-

литологов. 21 ноября 2009 г. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Pantin_RAPN.pdf (дата обращения: 28.09.2022).

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. 880 с.

Плотников В. В., Каспаров А. Р. Социальная напряженность: факторы возникновения и актуализации // Вестник АГУ. 2020. Вып. 1 (254). С. 118–125. URL: <http://vestnik.adygnet.ru/files/2020.1/6235/118-125.pdf> (дата обращения: 28.09.2022).

Сморгунов Л. В. Политическое «между»: феномен лиминальности в современной политике // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 159–169. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2012/5/15.pdf> (дата обращения: 28.09.2022).

Юманова У. В. Региональные процессы социально-стратификационного неравенства населения России // Географический вестник. 2019. № 2 (49). С. 45–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-protsessy-sotsialno-stratifikatsionnogo-neravenstva-naseleniya-rossii/viewer> (дата обращения: 28.09.2022).

Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Авторское издательство Кузбассвуиздат, 2020. 204 с.

Carothers T., O'Donohue A. Democracies divided: The global challenge of political polarization. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2019. 280 p. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.7864/j.ctvbd8j2p> (дата обращения: 28.09.2022).

Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. 453 p.

Rokeach M. The nature of human values. New York: The Free Press, 1973. 438 p.

Schwartz S. H. Are There Universal Aspects in the Structure and Contents of Human Values? // Journal of Social Issues. 1994. Vol. 50, no. 4. P. 19–45. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1540-4560.1994.tb01196.x>

Tichenor P. J., Donohue G. A. & Olien C. N. Conflict and the knowledge gap // Community conflict and the press. Beverly Hills, CA: Sage, 1980. P. 175–203.

Turner V. The ritual process. Structure and Anti-Structure. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1991. 222 p.

Ильичева Людмила Ефимовна — д-р полит. наук, проф.; ilicheva-le@ranepa.ru

Кондрашов Андрей Олегович — соискатель; akondrashov@vgtrk.ru

Лапин Андрей Викторович — канд. полит. наук; av.lapin@igsu.ru

Статья поступила в редакцию: 17 августа 2022 г.;

рекомендована к печати: 22 сентября 2022 г.

Для цитирования: *Ильичева Л. Е., Кондрашов А. О., Лапин А. В.* Ценностные детерминанты социальной напряженности в российских регионах // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2022. Т. 18, № 4. С. 362–391. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.402>

VALUE DETERMINANTS OF SOCIAL TENSION IN RUSSIAN REGIONS*

Ludmila E. Ilyicheva

Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
82, pr. Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation

* Project no. 122101100023-1 “Value and social factors of long-term development of Russian regions: mechanisms for ensuring civic unity” was implemented at the Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences based on the results of the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research (EISR).

Institute of Socio-Political Studies of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences,
6, ul. Fotievoi, Moscow, 119333, Russian Federation; ilicheva-le@ranepa.ru

Andrey O. Kondrashov

Institute of Socio-Political Studies of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences,
6, ul. Fotievoi, Moscow, 119333, Russian Federation; akondrashov@vgtrk.ru

Andrey V. Lapin

Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
82, pr. Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation; av.lapin@igsu.ru

During the period of extreme destabilization of Russia's relations with the collective West, the risks of social instability of society are increasing, Russians' fears of the future are growing, there are risks of expanding the potential of social protests in the regions of Russia due to the likely consequences of economic decline. For operational planning of actions to get out of a difficult political and socio-economic situation, it is necessary to have objective knowledge about the real social state of Russian society. The article presents the results of a study of the mechanism of transformation of social tension of individuals into a state of social polarization within groups in society, and also presents a methodology for assessing the level of social tension in society through measuring the values of citizens by the method of the Israeli scientist Sh. Schwartz. The interrelation of the integral coefficient of dissatisfaction with life, the Gini coefficient and the average per capita income of the population of the studied regions was also revealed. This technique was tested as part of a study of 7 Russian regions, the results of which revealed that the population of these regions professes approximately homogeneous values. Moreover, the value flanks of the studied social groups are so close to each other that the probability of an increase in social tension of the population of the studied regions is at a low level. However, the conditionally homogeneous nature of the value orientations of the population of the studied regions has led to the fact that in these regions there is an extremely low proportion or absence of social groups aimed at creative work, whose representatives are willing to take risks, show creativity and an innovative approach in order to achieve their own well-being. The results of the study generally confirmed the practical applicability of the proposed methodology for describing the distribution of social groups of society according to their degree of polarization, as well as for forming a characteristic portrait of the population of a particular region.

Keywords: social polarization of society, interpersonal alienation, social tension, socio-cultural values, life satisfaction.

References

- Akhmeduev A. S. Problems of excessive polarization of the level of socio-economic development of Russian regions and imperatives of modernization of state regional policy. *Regional'nye problemy preobrazovaniia ekonomiki*, 2017, no. 6, pp. 37–51. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30646588&> (accessed: 28.09.2022). (In Russian)
- Artemov G. P. Factors of value polarization. *Konfliktologiya*, 2014, no. 5, pp. 335–338. (In Russian)
- Baranova G. V., Frolov V. A. Methodology and methodology of measuring social tension. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2012, no. 3 (335), pp. 50–65. (In Russian)
- Carothers T., O'Donohue A. *Democracies divided: The global challenge of political polarization*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2019. 280 p. Available at: <https://www.jstor.org/stable/10.7864/j.ctvbd8j2p> (accessed: 28.09.2022).

Durkheim E. *Suicide: A sociological etude*, trans. from fr. with a summary; ed. by V.A. Bazarov. Moscow: Mysl' Publ., 1994. 399 p. Available at: <http://ncpz.ru/siteconst/userfiles/file/PDF/1706/4.pdf> (accessed: 28.09.2022). (In Russian)

Gaman-Goluvina O.V. Modern comparative political science before the challenges of development. *Perspectives and prospects. E-journal. Center for Research and analytics, Foundation for historical outlook*, 2020, no. 1, pp. 6–29. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2020-1-6-29> (In Russian)

Gennep A. van. *Rites of passage. Systematic study of rituals*, trans. from French. Moscow: "Vostochnaia literatura" RAN Publ., 1999. 198 p. (Series Ethnographic Library). (In Russian)

Glotov V., Bakhtizin A., Volkova M. Social tension in the subjects of the Russian Federation. Analysis of causes and consequences. *Federalism*, 2019, no. 4, pp. 142–160. Available at: <https://federalizm.rea.ru/jour/article/view/127/129> (accessed: 28.09.2022). (In Russian)

Ilyicheva L. E., Kondrashov A. O., Lapin A. V. Trust as a bridge over the uncertainty gap between the government and society. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2021, no. 2, pp. 162–185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1917> (In Russian)

Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. 453 p.

Kaira Yu. V. Methodology of social tension research. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2017, no. 3, pp. 107–118. (In Russian)

Kozer L. *Functions of social conflict*, trans. from English by O. A. Nazarova; under the general ed. of L. G. Ionin. Moscow: Ideia-Press Publ., Dom intellektual'noi knigi Publ., 2000. 205 p. (In Russian)

Magun V.S., Rudnev M.G. The basic values of Russians in the European context. *Materials of the Gaidar Forum*, January 18, 2018. Available at: https://www.iep.ru/files/Gaidarovskij_Forum2018/magun-18.01.18.pdf (accessed: 28.09.2022). (In Russian)

Merton R. *Social theory and social structure*. Moscow: AST: AST Publ.; Khronitel' Publ., 2006. 873 p. (In Russian)

Nikovskaya L. I. Complex conflict as a tool for analyzing transformation and crisis. *Polis. Political studies*, 2009, no. 6, pp. 83–94. Available at: <https://www.politstudies.ru/files/File/2009/6/7.pdf> (accessed: 28.09.2022). (In Russian)

Pantin V. I. Socio-political polarization of modern Russian society: Main factors and trends. *Materials of the Fifth All-Russian Congress of Political Scientists*. November 21, 2009. Available at: https://www.civisbook.ru/files/File/Pantin_RAPN.pdf (accessed: 28.09.2022). (In Russian)

Parsons T. *On the structure of social action*. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2000. 880 p. (In Russian)

Plotnikov V. V., Kasparov A. R. Social tension: Factors of occurrence and actualization. *Vestnik AGU*, 2020, iss. 1 (254), pp. 118–125. Available at: <http://vestnik.adygnet.ru/files/2020.1/6235/118-125.pdf> (accessed: 28.09.2022). (In Russian)

Rokeach M. *The nature of human values*. New York: Free Press, 1973. 438 p.

Schwartz S. H. Are There Universal Aspects in the Structure and Contents of Human Values? *Journal of Social Issues*, 1994, vol. 50, no. 4, pp. 19–45. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1540-4560.1994.tb01196.x>

Smogunov L. V. Political "between": the phenomenon of liminality in modern politics. *Polis. Political studies*, 2012, no. 5, pp. 159–169. Available at: <https://www.politstudies.ru/files/File/2012/5/15.pdf> (accessed: 28.09.2022). (In Russian)

Tichenor, P. J., Donohue, G. A., Olien, C. N. Conflict and the knowledge gap. *Community conflict and the press*. Beverly Hills, CA: Sage, 1980, pp. 175–203.

Turner V. *The ritual process. Structure and Anti-Structure*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1991. 222 p.

Yanitsky M. S. *Value orientations of personality as a dynamic system*. Kemerovo: Avtorskoe izdatel'stvo Kuzbassvuzizdat Publ., 2020. 204 p. (In Russian)

Yumanova U. V. Regional processes of socio-stratification inequality of the population of Russia. *Geographical Bulletin*, 2019, no. 2 (49), pp. 45–56. Available at: <https://cyberleninka.ru/ar>

title/n/regionalnye-protsessy-sotsialno-stratifikatsionnogo-neravenstva-naseleniya-rossii/viewer (accessed: 28.09.2022). (In Russian)

Received: August 18, 2022

Accepted: September 22, 2022

For citation: Ilyicheva L. E., Kondrashov A. O., Lapin A. V. Value determinants of social tension in Russian regions. *Political Expertise: POLITEX*, 2022, vol. 18, no. 4, pp. 362–391. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.402> (In Russian)